

УДК 316.472.47

Беккер Юлия Сергеевна

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ «СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА» В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Рассматриваются определения понятия «социальный капитал», существующие в современном социологическом знании. Двойственность в анализе и интерпретации социального капитала в западной социологии увязывается с бинарностью подходов к его исследованию.

Ключевые слова: социальный капитал, социальные нормы, социальные сети, система социального взаимодействия, доверие.

Bekker Yulia S.

DEVELOPMENT OF SOCIAL CAPITAL THEORY IN MODERN WESTERN SOCIOLOGY

The article offers a view on the terms of SOCIAL CAPITAL that exists in the modern sociological knowledge. The ambivalence in analysis and interpretation of social capital as it is in the western sociology is related here to the binarity of the approaches used for studying that.

Key words: social capital, social norms, social networks, system of social interaction, trust.

Понятие «социальный капитал» прочно вошло в научную лексику социально-гуманитарного знания, однако ни один из видов капитала не порождает в современном научном дискурсе столь различающихся интерпретаций и методологических вопросов. Это связано не только с трудностями определения его критериев и количественных показателей, но и с историческим аспектом его генезиса, связывающим социальный капитал с определенным этапом в развитии современного западного общества. Интерес к социальному капиталу возникает на «постиндустриальной волне», чьи апологеты и протагонисты в последние десятилетия XX века обращают внимание на такие явления, как социальные сети и доверие в обществе. В немалой степени этот научный и практический интерес был связан с осознанием прибыльности и капитализации данных явлений в современном постиндустриальном обществе и «новой экономике».

Научное изучение социального капитала и разработка методологического аппарата для его исследования началось с работ П. Бурдьё, посвященных определению социального капитала как совокупности реальных и потенциальных ресурсов, к которым индивид получает доступ исходя из его вовлеченности в социальные взаимоотношения. В отличие от человеческого капитала, основным носителем которого является человек, при рассмотрении социального капитала на первый план выходят взаимоотношения между людьми и / или группами.

Социальный капитал предоставляет индивидам возможность доступа к ресурсам социального и общественного характера, таким как поддержка, помощь, признание, знание и социальным интеракциям. Социальный капитал производится и воспроизводится путем «обмена» взаимоотношениями, как например, обмен подарками, визитами, любезностями и т. д. Таким образом, социальный капитал воспроизводится путем его использования.

При рассмотрении данного вопроса можно отталкиваться от влияющих на социоструктурную составляющую современного общества следующих видов капитала: экономического, культурного и социального. Также субъектом реальной и символической капитализации является индивид, что породило появление в науке категории «человеческий капитал». Благодаря работам М. Мосса и представителей структуралистского направления в этнологии и социологии возникает понимание важности символического аспекта социального обмена, и в частности социального капитала.

Впервые понятие «социальный капитал» встречается в работах Л. Ханифан в 1916–1920-х годах. В 1939 году его также использует Н. Элиас, а позднее Т. Адорно. Более детальное внимание дан-

ному явлению уделяет в 1950 году Дж. Силея. В последующие десятилетия XX века интерпретации и анализу данной категории посвящаются работы целой плеяды западных ученых: Дж. Джейкобс (1961), Г. Лури (1977), П. Бурдье (1983), Р. Патнем (1993, 2000), Дж. Коулмен (1987), Т. Файст (1995), а также Н. Лин (2001) и П. Хануут (2003–2004).

На сегодняшний день структурой, спецификой и аспектами исследования социального капитала занимаются представители преимущественно двух отраслей научного знания: социологии и экономической теории. В рамках экономического знания, фиксируется рост интереса не только к теоретическому анализу, но и к практическому использованию концепции социального капитала в практике корпоративного управления.

Преобладающая в социологии точка зрения при исследовании социального капитала выводит на первый план актора, то есть «действующего индивида» (актор также может быть не только индивидуальным, но и коллективным – группой, организацией и т. п.), вовлеченного в определенный социальный контекст, а также его поведение, зависящее от действующих норм, правил и обязательств. Основой доминирующего в экономической теории аспекта исследования социального действия и поведения, является противоположное допущение, что акторы достигают своих целей независимо от их социального окружения, действуя рационально и индивидуально-заинтересованно. Этот принцип действия, получивший название «максимизация полезности», явился основой анализа и интерпретации социального и экономического поведения в парадигме как неоклассической экономической теории, так и таких направлений социально-политического знания, как утилитаризм и теория общественного договора (social contract theory).

Развитие концепции социального капитала изначально балансировало между двумя существующими полярными взглядами на природу человеческого поведения. Мотивацией основоположников концепции социального капитала было построение своеобразного методологического перехода между данными точками зрения, основанного на предположении, что принцип рациональности действий необходимо рассматривать в рамках социального контекста конкретного индивида. Данный методологический консенсус пытался выстроить в своей «теории рационального действия» Дж. Коулмен [3, с. 95–120]. Появление нового подхода вызвало скепсис как со стороны представителей социологии и политологии, так и со стороны экономистов. Социологи опасаются рассматривать индивида и мотивацию его действий, исходя исключительно из их полезности и практической рациональности (интерпретируя данный методологический аспект, как «экономический империализм»), в то время как экономисты в первую очередь обозначают проблему разграничения моделирования и количественного анализа данного подхода. Однако следует констатировать тот факт, что основоположником концепции социального капитала является Дж. Коулмен, преподававший социологию в университете Чикаго.

В середине восьмидесятых годов XX века проводилось широкомасштабное эмпирическое исследование, посвященное выявлению причин оставления школы в частных и государственных школах США, в результате которого выяснилось, что квота школьников, бросивших школу в частных и в большинстве своем в католических школах, значительно ниже, чем в государственных [3, с. 120]. Дж. Коулмен выдвинул предположение, что причиной такого поведения является не столько более стабильное финансовое положение родителей школьников, обучавшихся в частных школах, сколько то, что воспитанники частных школ располагают большим социальным капиталом. В первую очередь эта гипотеза основывалась на том, что у данных детей более интенсивные контакты с родителями и другими родственниками, что, возможно, с одной стороны, влечет за собой более качественную «обучающую» поддержку родителей, с другой стороны, констатирует социальную вовлеченность родителей и соответственно младших членов семьи – детей – в социальные группы и церковные коммуны.

Сопровождающая родительская забота, а также непрерывная трансмиссия единых ценностей представляют собой, согласно Дж. Коулмену, «формирование социального капитала на основе человеческого капитала».

Другим важным направлением развития концепции социального капитала являются работы политолога Гарвардского университета Р. Патнема. В его труде, опубликованном в 1993 году, было проведено исследование факторов, влияющих на демократию в современной Италии, а также взаимозависимость между вовлеченностью в жизнь граждан и уровнем производительности труда правительства и администрации отдельных регионов в Северной и Южной Италии [9]. В качестве критерия вовлеченности граждан было взято количество формализованных союзов и сообществ и количество членов в них. Выявилась позитивная взаимозависимость между количеством союзов и тиражом официальных газет, а также квотой участия населения в выборах и в целом в политической жизни региона. Исходя из исследования данных критериев и показателей выяснилось, что Северная Италия имеет более высокие показатели социально-политической активности граждан, нежели Южная Италия. Был сделан вывод о том, что социальный капитал как способность к самоорганизации, сплочению в группы и вовлеченности граждан в социальную и политическую жизнь общества можно рассматривать как основополагающую составляющую эффективной работы правительства и администрации.

Данные, полученные в результате исследований Дж. Коулмена и Р. Патнема, дали толчок к дальнейшим исследованиям роли социальных взаимоотношений в современном обществе.

В 1950–1960-е годы XX века в социально-гуманитарных науках господствовало представление о том, что традиционные социальные отношения являются тормозом экономического и политического развития, так как общественное развитие возможно только тогда и только в том объеме, когда и, соответственно в каком объеме, преодолеваются существующие традиции и зарождаются новые. Данное мировоззрение являлось отражением господствующей в науке парадигмы Модерна и еще не поверженной рефлексии и научного скепсиса.

В 1970-е годы XX века представители теории зависимости в экономике также скептически относились к роли социальных отношений в процессе общественного развития, однако обоснование было несколько иным, а именно: взаимоотношения между сотрудниками и работодателями, между представителями бизнеса и администрации, а также между развитыми и развивающимися странами рассматривались исключительно в аспекте зависимости одной из сторон, или, другими словами, эксплуатации. И только в конце 1980-х годов XX века с появлением нового научного течения – коммунитаризма – значимость социальных общностей и групп, локальных организаций и администрации вновь возросла. Данный факт можно рассматривать как проявление противостояния доминирующей в то время неоклассической теории развития, которая практически не касалась аспекта социальных отношений.

В связи с созданием в середине 1990-х годов XX века Всемирного Банка и развиваемыми направлениями его деятельности дискуссии о роли социальных отношений в борьбе с бедностью и их влиянии на дальнейшее экономическое развитие вновь интенсифицировались, что повлияло на теоретическое развитие концепции социального капитала и проведение обширных эмпирических исследований в данном направлении.

Согласно Дж. Коулмену, заслуга введения в научный тезаурус понятия «социальный капитал» принадлежит Г. Лури: «В определении, данном Лури, под социальным капиталом подразумевается совокупность ресурсов, которая основывается на семейных отношениях в рамках социальных организаций, которые способствуют когнитивному или социальному развитию ребенка или подростка» [4, с. 389].

Дж. Коулмен определяет социальный капитал следующим образом: «...я буду рассматривать социально-структурные ресурсы как капитал индивида, другими словами, как социальный капитал. Социальный капитал определяется своими функциями. Это не единое образование, а составленный из многочисленных формаций образ, который обладает двумя признаками. Другими словами, данные формации в той или иной мере отражают аспекты социальной структуры, а также благоприятствуют определенным действиям индивидов, которые находятся внутри данной структуры. ...В отличие от других форм капитала, социальный капитал находится внутри структуры отношений между двумя или более индивидами» [4, с. 302].

П. Бурдые дает следующее определение: «Социальный капитал – это совокупность имеющихся и потенциальных ресурсов, которые связаны с наличием прочных сетей более или менее институциональных отношений взаимного знакомства или признания; или, другими словами, речь идет о ресурсах, которые зависят от принадлежности к группе» [1, с. 190].

Нельзя не отметить следующую особенность – в интерпретациях Дж. Коулмена и П. Бурдые социальный капитал связывается с социоструктурной характеристикой общности, группы или всего общества и является отражением его социальной морфологии и специфики локации и социального обмена значимыми ресурсами.

Согласно Р. Патнему [10, с. 78], родоначальником концепции социального капитала является Дж. Джейкобс, давший определение данному явлению в работе, изданной в 1961 году: «Сети являются незаменимым городским социальным капиталом» [7, с. 89]. В своем социологическом анализе мегаполиса он уделяет внимание отдельным городским районам и имеющимся в них объектам городской инфраструктуры, как, например, тротуарам и парковкам.

Р. Патнем в свою очередь дает следующее определение: «Под социальным капиталом я понимаю особенности социальной жизни – сети, нормы и доверие, – которые позволяют участникам совместно действовать более эффективно для продвижения разделяемых целей. ...Кратко: социальный капитал основывается на социальных связях, а также действующих нормах и доверии» [10, с. 664]. «Социальный капитал ссылается на особенности социальных организаций, таких как доверие, нормы, сети, что может улучшить эффективность общества при столкновении с координированными действиями» [9, с. 167].

Р. Патнем в отличие от П. Бурдые и Дж. Коулмена акцентируется не столько на структурно-ресурсном аспекте социального капитала, сколько на интерактивном и социокультурном, выдвигая на первый план, помимо сетевого взаимодействия, такие социокультурные регуляторы, как нормы и доверие.

Взгляд на социальный капитал, выраженный в работах Р. Патнема, получает поддержку в исследованиях Д. Грюнфельда в Стэнфордской школе бизнеса и М. Пискорски в Гарвардской школе бизнеса, которые показали, что социальный капитал является мощным источником знаний, идей, возможностей, поддержки, репутации и заметности, которые важны так же, как человеческий капитал, а может быть, и более чем он.

Х. Флэп интерпретирует социальный капитал как «что-либо социальные отношения, которые можно описать как его социальный капитал, так как они выступают инструментом для достижения его целей» [6, с. 4]. Таким образом, он подчеркивает индивидуальный уровень и микродетерминацию анализа социального капитала в обществе, сближая его понимание с формальными и неформальными ресурсами индивидуального социального взаимодействия. Помимо этого, подобная интерпретация страдает издержками методологии утилитаризма и практической рациональности, утверждая роль социального капитала как инструмента достижения индивидуальных социальных и экономических целей.

Р. Барт в понимании роли социального капитала исходит из оценки эффективности инвестиций: «...социальные сети как манифест социального капитала необходимо рассматривать как возможность доступа к определенным ресурсам», этот тезис предполагает, что «выгодой из использования данных ресурсов являются доступ к информации и возможность контроля» [2, с. 11–13]. В интерпретации Р. Барта мы опять же сталкиваемся со структурно-ресурсным пониманием его природы.

Американский социолог А. Портес интерпретирует социальный капитал как «способность управлять скудными средствами путем целомудренного участия в социальных структурах. ...другими словами, социальный капитал – это результат вовлеченности» и разделяет четыре различных вида социального капитала [8, с. 13–15], в основе которых лежат источники мотивации.

Т. Файст располагает мезоуровень социальных сетей и отношений между микроуровнем индивида и макроуровнем структур, при этом социальный капитал выступает на том же уровне, что экономический и культурный капиталы. «Социальный капитал означает способность индивидов использовать (ограниченные) ресурсы, такие как информация, контакты, деньги, так как они являются членами социальной сети и организации» [5, с. 4].

В связи с тем что понятие «социальный капитал» исторически независимо использовалось и изучалось как явление различными науками в рамках определенных различающихся парадигм, мы отошли от хронологической детерминации и хронологического порядка в ретроспекции его анализа и интерпретаций.

При детализации критериев интерпретации и анализа социального капитала можно обобщить и констатировать существование четырех основных направлений в интерпретации и анализе данного явления.

1. В первом понимании на первый план выдвигается аспект социального капитала как ресурса по аналогии с человеческим капиталом, а также аспект коллективного блага. Дж. Коулмена (1988) можно назвать автором данного направления, именно он предпринял первую попытку рассмотреть социальный капитал в рамках теоретических исследований. В качестве источника он ссылается на работы Г. Лури (1977). Общественное благо как один из аспектов социального капитала берет начало именно в работах Дж. Коулмена (1991).

2. Рассматривая социальный капитал как индивидуальный ресурс, П. Бурдье предпринимает попытку встроить теорию социального капитала в теорию капитала наряду с экономическим, культурным, символическим и человеческим капиталом. П. Бурдье, использующий понятие «социальный капитал» с 1972 года в своих исследованиях, не дает ссылку на первоисточник. Дж. Коулмен в своих работах ссылается на работы П. Бурдье, однако не рассматривает детально его концепцию.

3. Значительный вклад путем частого использования понятия «социальный капитал» внес Р. Патнем (1993), в особенности в рамках политической культуры. В своих работах он ссылается наряду с Дж. Джейкобс (1961) на труды Дж. Коулмена, однако основным источником его исследований становятся макроэкономические аспекты социального капитала на уровне общества во взаимосвязи с политическими ценностями и вовлеченностью членов общества в общественную жизнь.

4. Целый ряд ученых, таких как Х. Флэп, Н. Лин, Т. Файст и А. Портес, акцентируют внимание на обусловленности специфики социального капитала существующей системой социального взаимодействия в обществе, поэтому большое значение придают социальным сетям, самопозиционирование в которых влияет на сознание и поведение индивида.

Обобщая подходы Дж. Коулмена, П. Бурдье и Р. Патнема, а также приверженцев теории социальных сетей, можно сделать вывод о том, что социальный капитал, с одной стороны, может рассматриваться и интерпретироваться как инструментально применимый, индивидуальный, а также определенным образом не автономный от других индивидов ресурс. В данном понимании акцентируется микрогенезис и микродетерминация данного явления. С другой стороны, Р. Патнем полагает, что социальный капитал является ценным ресурсом, имеющимся в обществе, таким образом утверждая, что существующие в обществе сети, нормы и доверие не могут быть следствием лишь индивидуального поведения и индивидуальных свойств на микроуровне социальной и, в частности, экономической организации. На наш взгляд, подобная двойственность в анализе и интерпретации социального капитала является не столько выражением различающихся парадигм и научно-методологических подходов, сколько отражением двойственной природы самого изучаемого явления.

С одной стороны, нельзя исследовать социальный капитал в конкретном обществе вне контекста действующего индивида – актора, его социальной и экономической ситуации, индивидуального своеобразия. С другой стороны, социальный капитал не сводится лишь к совокупному комплексу индивидуальных действий и свойств и имеет скорее общественную, чем индивидуальную природу. Социальный капитал обладает системным свойством эмерджентности, то есть несводимости свойств всей системы (целого) к набору свойств отдельных ее подсистем и элементов (частей).

Литература

1. Bourdieu P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital // Kreckel, Reinhard (Hg.): Soziale Ungleichheiten, Göttingen, Soziale Welt Sonderband 2, 1983.
2. Burt R. Structural Holes. The Social Sturcture of Competition. Cambridge: Harvard University Press, 1992.
3. Coleman J. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology 94, 1988.
4. Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge, Mass. 1990.
5. Faist T. Sociological Theories of International Migration: The Missing Meso-Link, Papre presented at the Meeting of the Theory Group of Migration and Development (MAD) Project. Hamburg. 1995.
6. Flap H. No Man is an Island. The Research Program of a Social Capital Theory, Paper pres. Workshop on Rational Choice and Social Networks, Jan. 26 to 28, Nias, Wassenaar. 1995.
7. Jacobs J. Tod und Leben großer amerikanischer Städt., Frank-furt: Ullstein. 1966.
8. Portes A. Economic Sociology and the Sociology of Immigration: A Conceptual Overview // Portes, A. (ed.): The Economic Sociology of Immigration: Essays on Networks, Ethnicity, and Entrepreneurship. New York: Russell Sage Foundation. 1995.
9. Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton University Press, 1993.
10. Putnam R. Bowling alone. America's Declining Social Capital // Journal of Democracy, 6, 1, 1995.

УДК 364.14

Зритнева Елена Игоревна, Косинцева Юлия Феоктистовна

МОНИТОРИНГ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

В статье отражены результаты мониторинга качества жизни населения Ставропольского края. Приведены основные показатели условий проживания, условий и качества труда, доступности информационного пространства, приоритеты граждан, показатели социального самочувствия.

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, образ жизни, социальная инфраструктура, социальное самочувствие, удовлетворенность.

Zritneva Elena I., Kosintseva Yulia F.

LIFE QUALITY MONITORING IN STAVROPOL REGION

The article offers a view on the results of a study evaluating the life quality in Stavropol Region. There are also the major indices described, which indicate the levels of living conditions, labour conditions and labour quality, availability of informational space, citizens' priorities, social well-being indicators.

Key words: monitoring, life quality, living standards, lifestyles, social infrastructure, social well-being, satisfaction.

Реализация в последние годы ряда законодательных актов предполагает повышение результативности функционирования учреждений и организаций социальной сферы, улучшение условий жизни и труда населения, развитие их гражданской активности, в конечном счете – достижение эффективности региональной социальной политики. Однако отсутствие достоверной социологической информации о качестве жизни населения края, социальном самочувствии и приоритетах жизнедеятельности граждан не дает в полной мере решать поставленные задачи. В связи с этим возникла потребность в организации мониторинга качества жизни населения Ставропольского края.

Мониторинг относится к повторным лонгитюдным социологическим исследованиям, то постоянное наблюдение за процессом, состоянием объекта, развитием явления в течение достаточно длительного времени по одинаковой системе показателей и методике [1, с. 48]. Цель мониторинга в социальной сфере – научно-информационная помощь заинтересованным учреждениям в реализации социальных программ.